

ЧЕРКАСЫ В КУРСКЕ В КОНЦЕ 1630-х – НАЧАЛЕ 1650-х ГОДОВ

В. М. Брезгунова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 апреля 2022 г.

Аннотация: рассматривается вопрос о размещении черкасских переселенцев в Курске в конце 1630-х – начале 1650-х гг. Исследуются все количественные изменения, которые претерпевал контингент курских черкас в этот период. Сделан вывод о существенном снижении количества служивых черкас в Курске до 17 человек к 1653 г. по причине самовольного ухода части черкас в Речь Посполитую и перемещения администрацией значительной доли оставшегося контингента в Царев-Алексеев. Показана роль пограничного Курска как центра приема переселенцев из Речи Посполитой, куда пришли в 1639 г. черкасы, направленные царской администрацией на проживание в Кромы.

Ключевые слова: Курск, Курский уезд, Кромы, Царев-Алексеев, миграционные процессы, черкасы, XVII век.

Abstract: the article is devoted to the issue of the placement of cherkassy's settlers in Kursk in the late 1630s – early 1650s. All quantitative changes among Kursk cherkassys contingent during this period are studied. The conclusion is made about a significant decrease in the number of cherkassys servicemen in Kursk to 17 people by 1653 due to the unauthorized leave of a part of cherkassys to the Polish-Lithuanian Commonwealth and the transfer by the administration of a significant proportion of the remaining contingent to Tsaryov-Alekseev. The role of the border town of Kursk as a reception center for migrants from the Polish-Lithuanian Commonwealth, where cherkassys came in 1639, sent by the tsarist administration to live in Kromy, is shown.

Key words: Kursk, Kursk uyezd, Kromy, Tsaryov-Alekseev, migration processes, cherkassys, XVIIth century.

Конец 1630-х гг. – это время активизации достаточно широкого переселенческого потока в Россию черкас из Речи Посполитой. Среди прочих городов юга и юго-запада нашего государства эти процессы также затронули и Курск. Он в этот период представлял собой достаточно крупную крепость, которую исследователи относят к так называемым «польским» городам, т. е. городам на Поле – так называлась территория лесостепи и степи, начинающаяся в верховьях Дона [1, с. 57]. Согласно приводимому Н. Д. Борщик подсчету курского воеводы Даниила Семеновича Яковлева, отправленному им в Разрядный приказ, в 1637 г. курский гарнизон составлял 879 человек [2, с. 16]. В конце 1630-х гг. частью служилого населения Курска становятся и переселенцы-черкасы, размещенные в этом городе по царскому распоряжению. Контингент черкас в Курске в рассматриваемый данным исследованием период был достаточно подвижен и претерпевал существенные количественные изменения. Социальная структура Курска и курские черкасы в XVII в. ранее уже затрагивались исследователями в рамках изучения более масштабных тем [3–8]. Важно отметить, что появление черкас в Курске, их состав, размещение и дина-

мичные изменения контингента заслуживают отдельного комплексного и последовательного анализа на основе различных источников. Именно такой будет главная задача данного исследования.

Факт первого переселения черкас в Курск на данный момент датировать сложно, исследователи отмечают проживание значительного контингента черкас в этом городе уже в конце 1630-х гг. В 1638 г. в Курске была размещена достаточно крупная группа черкас – 865 человек, из них мужчин, поступивших на службу, – 277 человек, женщин – 232 и детей – 356 [9, с. 243–244]. В Разрядной книге 1637–1638 гг. также содержатся сведения о проживании в Курске черкас, отмечено, что 31 человек – конный, 257 – пеших с пищалами [10, с. 95–111], всего 288 человек. Как мы видим, приведенные цифры достаточно близки, их можно считать отправной обобщающей точкой, и все размещаемые в 1638 г. в Курске черкасы, сведения о которых мы будем разбирать по источникам, являются частью этого контингента в почти 300 человек.

В опубликованных источниках первое упоминание о черкасах в Курске относится к середине марта 1638 г., когда белгородский воевода Петр Пожарский и курский воевода Иван Бутурлин получили грамоты с заданием разместить приехавших в Белгород черкас в Курске [11, № 117, с. 195–197]. Пожарский должен

был реализовывать первые административные шаги по приему и размещению черкас из Речи Посполитой. Это была группа приехавших в Белгород людей «из литовские стороны из розных городов». Она состояла из 34 холостых черкас без родственников и 16 женатых, с которыми приехали 51 человек их жен и детей. Общее количество этой группы переселенцев – 101 человек, и подробного списка с именами и половозрастным составом в источнике не приведено. Нет там сведений и о том, из каких мест люди приехали в Россию. Главной причиной своего переезда черкасы называли религию – «не хотя быть в папешской вере, приехали в Белгород на... царское имя на вечную службу». В грамоте Пожарскому о приеме черкас и приведении их к присяге подробно изложены ожидания правительства от поведения черкас на новом месте и их служебные обязанности. На службе Российскому государству они должны были «до своего живота неотступно и з бусурманы, и с всякими воинскими людьми за святые божьи церкви, и за православную крестьянскую веру, и за наше царское величество, и за благоверных царевичев наших, князя Олексея Михайловича и за князя Ивана Михайловича, и за всех православных крестьян битись, не щадя голов своих». Также правительство требовало от черкас неукоснительной верности своей присяге – «и к турецкому салтану, и к крымскому царю, и в нагаи, и в Литовскую сторону, и в ыные ни в которые государства не отъехать, и в приход воинских людей в городех в осаде сидеть, и города воинским людем не здать; и нашему царскому величеству николи не изменять никоторыми делы, никоторою хитростью» [там же, с. 196]. Все это свидетельствует о той серьезности, с которой государство относилось к своим новым подданным, стремилось оно ее подтвердить и материальной помощью переселенцам, получение которой, также как и прием и размещение, должны были организовать местные воеводы.

Материальная помощь «нововыезжим» курским черкасам, как и многим другим, делилась на две категории – «за выход», т. е. сразу же после приезда в российские пограничные города, и «для селитьбы». Это была материальная помощь непосредственно при размещении черкас в городах, деревнях и селах Российского государства. Группа черкас из 101 человека, приехавшая в Белгород, «за выход» получила «по 5-ти рублей человеку, женам их – по полутора рубли, детям их большим – по рублю, меньшим – по полтине». При приходе в Курск им «для селитьбы» должно было быть выделено курским воеводой «семьянистым – по 5-ти чети ржи, по 2 пуда соли, одиноким – по 3 чети ржи, по пуду соли; да им же всем... семенново хлеба по 5-ти чети овса». Материальную помощь приехавшим в Курск черкасам можно считать вполне щедрой, так как здесь средства были выделены не только

мужчинам, но и женам и детям, что существенно увеличивало размер жалования [12, с. 86]. Важно отметить, что правительство поступало подобным образом далеко не во всех случаях. Возможно, это связано с материальными возможностями таких крупных пограничных городов, как Белгород и Курск.

Белгородскому воеводе Петру Пожарскому поручались надзор и контроль за перемещениями черкас до их отбытия в Курск. Интересно, что именно в этом документе встречается подробное распоряжение воеводе Белгорода на случай возможного желания черкас поселиться на Дону. В грамоте написано, что Пожарский может отпускать одиноких и семейных черкас «на Дон и в Озов безо всякие зацепки», но никаких отписок и проезжих памятей с собой им давать права не имеет [11, № 117, с. 197]. Также Разрядный приказ при этом поручал ему составить и прислать в Москву подробный список тех, кто все же решит уехать на Дон к казакам с перечнем имен, пола и возраста членов их семей. Правительство таким образом предоставляет черкасам право выбора, но в то же самое время пытается сохранить контроль над ситуацией.

Примерно в тот же самый период, когда было принято решение о размещении в Курске черкас из разобранного ранее документа, 19 марта 1638 г., в Курск пришла совсем небольшая группа переселенцев [там же, № 118, с. 198]. Это были приехавшие «из Литовской земли, из Гадецкого горадища, черкашенин Данилко Марков сын Шиб, да мещанин Онтошка Васильев сын Колесников, да города Голтвы – черкашенин Дениско Прокопов сын Покрошенков». Упомянутое в источнике Гадецкое городище – это в настоящее время город Гадяч Миргородского района Полтавской области Украины, а город Голтва – это в настоящее время село Говтва Козельщинского района Полтавской области Украины. Причина переселения снова заключалась в религиозном факторе – черкасы приехали в Курск с женами, детьми и имуществом, «не похотя от крестьянские веры отступить и в латынской и в папешской вере быти». Данил Шиб и Денис Покрошенков хотели поступить на службу и получить земли, а Онтон Колесников – «жити в Курску на пашне». С собой они привезли семьи, состав их был следующим: с Данилом Шибом – его мать вдова Матренка, жена Огафьица, сын трех лет Кондрашко, дочери двенадцати лет Меланьица, восьми лет Иринка, оружия и лошадей у них не было; с Онтоном Колесниковым – жена Огафьица, дочь пяти лет Марьица, сын двух лет Офремко, оружия не было, но была кобыла; с Денисом Покрошенковым семья не приехала, но у него было оружие – «саайдак» и мерин. Общее количество этой группы черкас – 11 человек.

7 апреля 1638 г. в Курске в съезжей избе воевода Иван Васильевич Бутурлин принимал и расспрашивал

приехавших «на государево... имя из литовские стороны черкасы города Ромна Федька Филимонов да Ивашка Бут, да города Корсуни Ивашка ж Бут да Мишка Денисов, да с Гадетцково городища Власко Ондреев» [там же, № 122, с. 205]. В настоящее время перечисленные в источнике населенные пункты – это город Ромны Роменского района Сумской области, город Корсунь-Шевченковский Черкасского района Черкасской области и село Говтва Козельщинского района Полтавской области Украины. Такие подробные сведения по вопросу о точной географической локализации тех мест, откуда в Россию приезжали черкасы, необходимы для более полного изучения миграционных процессов этого периода. Кроме того, эти данные особенно ценны, так как имеются далеко не во всех источниках о переселении черкас. Причиной своего приезда в Россию Федор Филимонов и его спутники, как и в предыдущих документах, называли религию – приехали, «не хотя христианские веры отбыти, и в латынской, и в папешской вере быти», а также желание поступить в Курске на государеву службу. Состав семей переселенцев был следующим: Федор Филимонов приехал на одном коне без семьи, привез оружие – пищаль и саблю; Иван Самойлов сын Бут из Ромны приехал с женой Марьицей, сыном пятнадцати лет Васькой, дочерьми восьми лет Агафьицей и двух лет Настасьицей, у него был мерин и пищаль; Иван Есипов сын Бут из Корсуни приехал с женой Акилинкой, сыном десяти лет Екимкой, дочерью семи лет Марьицей, у него был мерин, пищаль и рогатина; Влас Ондреев приехал на одном мерине без семьи, привез оружие – пищаль [там же, с. 206]. Общее количество данной группы переселенцев – 11 человек.

Таким образом, учитывая сведения трех разобранных ранее документов, общее количество упоминаемых в них размещенных в марте–апреле 1638 г. черкас составляло 123 человека, из них холостых мужчин и глав семей – 57 человек. Н. Д. Борщик в одной из своих статей приводит данные о том, что в 1638 г. в Курске было устроено 277 черкас (что совпадает с данными А. И. Папкова, которые мы приводили ранее), а в 1639 г. их численность увеличилась до 400 [2, с. 17]. А. И. Папков в 1639 г. отмечает цифру в 300 черкас в Курске [9, с. 226], как и И. Н. Миклашевский [13, с. 167–168]. Как мы видим, сведения исследователей расходятся ровно на 100 человек, но наиболее вероятной представляется цифра в 300 человек.

Эти цифры, видимо, отражают количество переселившихся в Курск мужчин-черкас, женатых и холостых, общий же размер черкасского контингента с учетом семей будет гораздо больше. Проведенные нами ранее исследования демографического аспекта позволили выдвинуть гипотезу о том, что на 1 муж-

чину в черкасских семьях приходилось по 3 члена семьи [14, с. 55]. Таким образом, общее количество черкас в Курске к 1639 г. могло предположительно составлять до 1200 человек. И упоминаемые нами ранее по опубликованным источникам группы переселенцев также входили в эти общие цифры.

В апреле 1639 г. Курск проявляет себя с другой стороны, так как становится пунктом приема переселенцев из Речи Посполитой и дальнейшего их сопровождения к местам расселения. В этот город приезжает группа из 34 холостых и женатых черкас с семьями. В источнике они еще называются «выезжими», а материальную помощь, о которой просят правительство, черкасы хотят получить «против своей братьи выезжих черкас». Далее эта группа была сопровождена из Курска в Кромы (в настоящее время п.г.т. Кромы Кромского района Орловской области). Воевода этого города Сава Константинович Дурново (занимал эту должность в 1638–1641 гг. [15, с. 118]) в своей отписке сетует, что в Кромах совсем нет ни денег, ни соли, а в житнице всего лишь 12 четвертей ржи, поэтому он отправил черкас с челобитной о выдаче жалования в Москву [11, № 162, с. 271]. Кроме того, он составил подробнейший список новых жителей своей подведомственной территории, сведения из которого по причине количества будет удобнее всего представить в виде таблицы (таблица).

В источнике указано, что «всего прислано ис Курска черкас в Кромы вновь на житье женатых и одиноких 32 человека» [там же, с. 272], но в перечне содержится 34 имени. Общее количество переселенцев этой группы – 103 человека.

Челобитная черкас о выдаче жалования была удовлетворена, но получили его атаман, 20 женатых черкас и 11 холостых. Двух женатых черкас не учли, сдвигается и учет детей – возможно, это просто был недосмотр или же это было связано с явными родственными связями внутри группы переселенцев, о чем говорят совпадающие фамилии. Атаману было выдано жалования 5 рублей, женатым рядовым по 4 рубля, холостым – по 3 рубля. Женам черкас по пол два рубля, четырем большим детям по рублю, 39 средним и меньшим – по полтине каждому. Всего этой группе было выдано 173 рубля денежного жалования, а также денег вместо хлебного жалования – 38 рублей 13 алтын 2 деньги, а вместо соляного – 9 рублей 29 алтын [там же, с. 273]. Общие цифры говорят о щедром пожаловании переселившихся в Кромы черкас, а также их жен и детей, что было не слишком распространенной практикой. А. И. Папков в 1639 г. отмечает цифру в 42 черкаса в Кромах [9, с. 226], а И. Н. Миклашевский – в 49 черкас [13, с. 167–168]. Интересно отметить, что позднее по росписи жалования 1653 г. в Кромах числилось 48 черкас – атаман, есаул и 46 рядовых [16, № 223, с. 513], т. е. все при-

Список черкас, переселившихся в г. Кромы в 1639 г.

№ п/п	Черкасы	Жены	Дети
1	Атаман Иван Федоров сын Мольховской	Сохвьица	Дочь 7 лет Марьица, брат Ивана 12 лет Василий
2	Филип Тимофеев	Просковьица	Сын 20 лет Иван, сын 13 лет Еремка, дочь 15 лет Агафиница, дочь 14 лет Марьица
3	Василий Прокофьев	Марьица	–
4	Степан Семенов сын	Аганья	Дочь 2 года Степанидка
5	Савелий Степанов	Аринка	–
6	Федор Гордеев	Юльяна	Дочь 6 лет Василиска, сын 3 года Микитка, дочь 1 год Степанитка
7	Федор Демьянов	Домна	Сын 12 лет Петр
8	Сахфон Трофимов	Катеринка	Сын 3 года Савелей, дочь 8 лет Федорка, дочь 7 лет Химка
9	Севостьян Семенов	Марья	Сын 6 лет Данилка, дочь 13 лет Палашка, дочь 11 лет Мотренка
10	Иван Ортемов	Апросинья	–
11	Иван Клементеев	Василиска	Дочь 9 лет Анна, дочь 4 года Фетинья
12	Федор Ермолов	Федосья	Дочь 3 года Оксиньяца
13	Петр Павлов	Феклица	Сын 20 лет Федор, дочь 5 лет Агапыица, дочь 2 года Просковьица
14	Степан Леонтеев	Аринка	Сын 7 лет Клим, сын 2 года Семен, дочь 11 лет Химка
15	Григорий Трафимов	Марья	Сын 12 лет Фетька, сын 8 лет Дмитрий, дочь 6 лет Марьица, сын 5 лет Яцдко, сын 2 года Микифор
16	Иван Федоров	Фетинья	Дочь 10 лет Палашка, дочь 6 лет Аришка
17	Юрей Иванов	Фетиньяца	Дочь 7 лет (имя не указано), сын 4 года Гришка
18	Павел Матвеев	Овдотьица	Дочь 15 лет Просковья, дочь 12 лет Зеновьица, сын 10 лет Фетька, сын 8 лет Якушко, дочь 5 лет Аринка, сын 2 года Кирей
19	Семен Иванов	Марьица	Сын 7 лет Лаврушка, дочь 11 лет Агафьица
20	Кондратий Акимов	Любка	–
Черкасы, которые женились уже после переезда в Россию			
21	Маргын Говрилов	Вдова литовка Иринка	Падчерица 4 года Ганька
22	Иван Мокаров	Вдова литовка Фенька	Падчерица 1 год Афдотьица
23	Лукьян Фотеев	Девка литовка Просковьица	
Холостые черкасы			
24	Данил Игнатов		
25	Роман Степанов		
26	Яков Микитин		
27	Петр Демьянов		
28	Федор Семенов		
29	Василий Ондреев		
30	Лукьян Григорьев		
31	Клим Костин		
32	Матвей Иванов		
33	Игнат Леонтеев		
34	Василий Остапов		

веденные разновременные количественные показатели достаточно близки.

От интереснейшего сюжета размещения черкас в Кромах возвращаемся к черкасам в Курске. Значительные изменения в контингенте черкас этого города происходят в августе 1641 г., когда часть курских черкас покинула службу и с семьями двинулась в сторону Речи Посполитой. Этот случай достаточно подробно уже изучен исследователями [17, с. 31–32], поэтому наиболее уместно будет остановиться не на причинах и подробностях их ухода, а на количественных показателях, которые помогут нам внести ясность, учитывая предыдущие противоречивые сведения исследователей в 300 и 400 черкас в Курске в 1639 г.

Всего из Курска в 1641 г. ушло около 150 черкас, с учетом их семей общая численность группы беглецов достигала примерно 700 человек. Изменили своей присяге жители двух черкасских слобод – ближней и дальней. Из дальней слободы ушли атаман Михаил Деряга, шесть сотников, пять есаулов и 138 рядовых. В дальней слободе остались 23 черкаса со своими семьями, в ближней – 89 черкас с семьями [там же, с. 32]. Таким образом, общее количество черкас, которое отслеживается этими документами, – 262 человека. Наблюдается уменьшение контингента по сравнению с 300 черкасами в 1639 г., возможно, были отдельные черкасы или даже семьи черкас, которые уезжали из Курска с 1639 по 1641 г. Всего же после инцидента с бегством в Речь Посполитую в Курске остались 112 черкас.

В январе 1644 г. контингент курских черкас пополняется – в город приезжают «селитреной мастер Тимошка Иванов да тележной мастер Михалко Кондратов, Олешка Еремеев, Якушка Иванов» [11, № 228, с. 269]. Эти «курчене переезжие черкасы» приехали на «царское имя», чтобы поступить на службу, и подавали челобитную о выдаче денежного жалования и наделении землей «противу нашей братьи переезжих черкас». О своих семьях в обращении к царю черкасы не упоминают, возможно, они были холостыми и приехали без жен и детей. Тем не менее контингент курских черкас пополнился на 4 человека.

В январе 1646 г. курский воевода Андрей Тимофеевич Лазарев получил грамоту из Разрядного приказа о выдаче черкасам годового денежного жалования [там же, № 249, с. 414]. Его должны были получить «ис курских ис кабатцких и ис таможенных и из мельничных доходов» 119 человек согласно своему служебному положению в следующем соотношении: атаману – 7 рублей, есаулу – 6 рублей, рядовым – по 5 рублей (как мы видим, общее количество черкас близко к упоминаемым ранее 112 оставшимся после побега 1641 г. и 4 переселившимся в 1644 г.). В этой грамоте отдельно были прописаны требования, кото-

рым должны были соответствовать состоящие на службе в Курске черкасы. Правительство хотело, чтобы черкасы «от бусурман оберегали» и за счет выданного жалования «на вечное житье строились, и пашню пахали, и хлеб сеяли». Выдачу жалования воевода Лазарев должен был проводить лично в присутствии черкасских атамана и сотника, а также «лучших рядовых» черкас, которые могли подтвердить личность своих сослуживцев. Запрещалось выдавать жалование тем черкасам, которые «в Курску на вечное житье по ся места не устроились, и земли не пашут, и хлеба не сеют, или которые бражничают и... жалованье пропивают, и зернью проигрывают или иным каким воровством промышляют». Таких людей предписывалось вычеркивать из списков служилых, если от них не приходится «никакова добра не чаеть». Также воевода должен был предоставить списки тех черкас, которые бежали из Курска после выдачи предыдущего годового денежного жалования, что, учитывая более ранние события в этом городе, представляется весьма рациональным требованием царской администрации. В целом же усиление контроля и повышение внимания к переселенцам позволило в дальнейшем избежать значительных конфликтов [18, с. 195].

Указанные в грамоте в 1646 г. 119 черкас были единственной группой переселенцев, которые состояли на службе в Курске. В 1647 г. 103 черкаса со своими семьями были переселены из Курска в новый город Белгородской черты – Царев-Алексеев [2, с. 18] (в настоящее время г. Новый Оскол Новооскольского района Белгородской области). В Курске осталась совсем небольшая группа примерно в 16 человек. Это соответствует более поздним сведениям, которые приводятся в росписи жалованья украинцам, несшим военную службу в городах Русского государства за 1653 г. Согласно этому источнику, в Курске получили жалование по 5 рублей только 17 человек – атаман и 16 рядовых черкас [16, № 223, с. 513]. Такие же цифры приводит и Д. А. Ляпин в своей монографии [1, с. 162]. А. И. Раздорский отмечает участие черкас в курской торговле в 1650-е гг. [19, с. 83], видимо, идет речь именно об этой небольшой группе оставшихся в городе черкас.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: контингент черкас в Курске в конце 1630-х – начале 1650-х гг. претерпевал существенные количественные изменения; впервые черкасы в Курске были размещены в конце 1630-х гг., их количество составляло 300 человек; в 1639 г. Курск как пограничный город становится центром приема группы черкас, которая в дальнейшем была размещена в городе Кромы; в 1641 г. значительное число курских черкас покинули службу и со своими семьями направились в Речь Посполитую,

что привело к значительному уменьшению количества черкас в Курске до 112 человек; в 1647 г. 103 черкаса со своими семьями были переселены из Курска в Царев-Алексеев, и в городе остался совсем небольшой контингент в 16 черкас. Такие существенные изменения – уменьшение от 300 человек в 1639 г. до 17 человек в 1653 г. – связаны с уходом черкас из пограничного Курска в Речь Посполитую, что вызвало значительное беспокойство правительства в последующем. Переселение большей части курских черкас в Царев-Алексеев в 1647 г. можно считать проявлением стремления царской администрации предотвратить подобные случаи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляпин Д. А.* Ритуалы власти : очерки социально-политической истории России раннего Нового времени / Д. А. Ляпин. – М. : Верстовой, 2014. – 387 с.
2. *Борщик Н. Д.* Курск и куряне в XVII в / Н. Д. Борщик // *Новый исторический вестник*. – 2009. – № 1 (19). – С. 14–20.
3. *Глазьев В. Н.* Особенности взаимодействия власти и общества в условиях южнорусского пограничья в XVII веке / В. Н. Глазьев // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2018. – № 4. – С. 28–35.
4. *Глазьев В. Н.* Города на Юге России в XVII веке : состав и численность населения / В. Н. Глазьев // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2020. – № 2. – С. 80–85.
5. *Борщик Н. Д.* Особенности социально-экономической жизни Курского региона XVII века (по рукописи «Описание примечательных мест Курской губернии») / Н. Д. Борщик // *Научный вестник Крыма*. – 2016. – № 2 (2). – С. 3.
6. *Борщик Н. Д.* Участие украинцев в заселении Курского края в XVII веке / Н. Д. Борщик // *Пятое Дамьяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 26–28 марта 2008 г.)*. – Курск, 2008. – С. 89–93.
7. *Борщик Н. Д.* Дооктябрьские «любители древних редкостей» об истории Курского региона в XVII веке / Н. Д. Борщик // *Научный вестник Крыма*. – 2016. – № 1 (1). – С. 14–20.
8. *Борщик Н. Д.* Исторические особенности управления городами Курского края в XVII столетии / Н. Д. Борщик // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2014. – № 3 (31). – С. 1–5. – URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=36> (дата обращения: 10.04.2022).
9. *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) / А. И. Папков. – Белгород : Константа, 2004. – 351 с.
10. *Разрядная книга 1637–38 года* / АН СССР, Ин-т истории СССР ; [сост. В. И. Буганов и др.]. – М. : Ин-т истории СССР, 1983. – 186 с.
11. *Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы в трех томах* / под ред. П. П. Гудзенко и др. – М., 1953. – Т. 1: 1620–1647 годы. – 585 с.
12. *Брезгунова В. М.* Жалование «нововыезжих черкас» при переселении в Воронежский край в XVII веке / В. М. Брезгунова // *История : факты и символы*. – 2018. – № 3 (16). – С. 81–87.
13. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства / И. Н. Миклашевский. – М. : Типография Д. И. Инземцева, 1894. – Ч. I. – 310 с.
14. *Брезгунова В. М.* Черкасы в Воронежском крае в XVII веке : демографический аспект / В. М. Брезгунова // *Социальный мир деревни X–XXI вв. : земельные собственники / землевладельцы и земледельцы : XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений*. Воронеж, 22–25 сентября 2020 г. – М.: ИРИ РАН, 2020. – С. 52–55.
15. *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А. П. Барсуков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 611 с.
16. *Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы в трех томах* / под ред. П. П. Гудзенко и др. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. – Т. 2: 1648–1651 годы. – 560 с.
17. *Папков А. И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века / А. И. Папков // *История : факты и символы*. – 2017. – № 4 (13). – С. 24–36.
18. *Папков А. И.* Белгородская черта, Белгородский Разряд и Слобожанщина : проблема определения и использования терминов / А. И. Папков // *Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты*. Вып. 6. – Белгород : Изд-во Сичкаревой Е. В., 2021. – С. 193–201.
19. *Раздорский А. И.* Социальный состав торговцев на городских рынках юга и запада европейской России в XVII в. (на примере Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска) / А. И. Раздорский // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2011. – № 3–2 (19). – С. 81–86. – URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=21> (дата обращения: 10.04.2022).

*Воронежский государственный университет
Брезгунова В. М., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории
E-mail: bvm1792@mail.ru*

*Voronezh State University
Brezgunova V. M., Candidate of Historical Sciences,
Lecturer of the Political History Department
E-mail: bvm1792@mail.ru*